

Франсуаза САГАН

НЕМНОГО СОЛНЦА В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ

Франсуаза Сеган в некотором роде
Мадмуазель Шанель нашей литературы.
Бернар Франк. *France-Observateur*

Саган. Коллекция

Франсуаза Саган

Немного солнца в холодной воде

«Азбука-Аттикус»

1969

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Саган Ф.

Немного солнца в холодной воде / Ф. Саган — «Азбука-Аттикус»,
1969 — (Саган. Коллекция)

ISBN 978-5-389-17471-9

Франсуазу Саган называли Мадемуазель Шанель от литературы. Начиная с самого первого романа «Здравствуй, грусть!» (1954), наделавшего немало шума, ее литературная карьера складывалась блестяще, она с удивительной легкостью создавала книгу за книгой, их переводили на различные языки, и они разлетались по свету миллионами экземпляров. Название «Немного солнца в холодной воде» навеяно строкой Поля Элюара. Историю, которую рассказывает в этой своей книге Франсуаза Саган, легко свести к простой формуле: он любил ее странной любовью, она его просто любила. Однако пересказать книгу невозможно – как музыку, как облака. Франсуаза Саган верна себе: ее проза – прозрачная, изящная, лишенная позы – доставляет радость все новым поколениям читателей.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-17471-9

© Саган Ф., 1969
© Азбука-Аттикус, 1969

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Часть вторая	22
Глава 1	22
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Франсуаза Саган

Немного солнца в холодной воде

Моей сестре

*И я вижу ее, и теряю ее, и скорблю,
И скорбь моя подобна солнцу
в холодной воде.*

Поль Элюар

Françoise Sagan

UN PEU DE SOLEIL DANS L'EAU FROIDE

Copyright © Flammarion, 1975 © Stock, 2009

Published by arrangement with Lester Literary AgencyПеревод с французского Наталии Немчиновой

© Н. И. Немчинова (наследник), перевод, 1972

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019 Издательство Иностранка®

Часть первая

Париж

Глава 1

Теперь это случалось с ним чуть не каждый день. Если только накануне он не напивался до того, что утром вставал с постели словно в зыбком тумане, шел под душ, бессознательно, машинально одевался, и сама усталость освобождала его тогда от бремени собственного «я». Но чаще бывало другое, мучительное: он просыпался на рассвете, и сердце колотилось от страха, от того, что он уже не мог называть иначе, чем страх перед жизнью, и он ждал: вот-вот речитативом заговорят в его мозгу тревоги, неудачи, голгофа начавшегося дня. Сердце колотилось; он пытался заснуть, пробовал забыться. Тщетно. Тогда он садился на постели, хватал не глядя стоявшую под рукой бутылку минеральной воды, отпивал глоток безвкусной, теплой, мерзкой жидкости – такой же мерзкой, какую представлялась ему собственная жизнь в последние три месяца. «Да что же это со мной? Что?» – спрашивал он себя с отчаянием и яростью, так как был самолюбив. И хотя ему нередко приходилось наблюдать у других, искренне уважаемых им людей нервную депрессию, подобная слабость казалась ему оскорбительной, как пощечина. С юных лет он не слишком задумывался над самим собой, для него вполне достаточно было внешней стороны жизни, а когда он вдруг заглянул в себя и увидел, каким болезненным, немощным, раздражительным существом он стал, то почувствовал суеверный ужас. Неужели этот тридцатипятилетний мужчина, который чуть свет садится на кровати и без всякой видимой причины нервно вздрагивает, – неужели это и есть он? Неужели к этому привели его три десятилетия беззаботной жизни, полной веселья, смеха и лишь изредка омрачаемой любовными горестями? Он уткнулся головой в подушку, прижался к ней щекой, словно подушка обязана была дарить блаженный сон. Но глаз он так и не сомкнул. То ему становилось холодно, и он кутался в одеяло, то он задыхался от жары и сбрасывал все с себя, но так и не мог укротить внутренней дрожи, чего-то схожего с тоской и безысходным отчаянием.

Конечно, ничто не мешало ему повернуться к Элоизе и заняться любовью. Но он не мог. Три месяца он не прикасался к ней, три месяца об этом и речи не было. Красавица Элоиза!.. Любопытно, как она с этим мирится... Будто чувствует в нем что-то болезненное, странное, будто жалеет его. И мысль об этой жалости угнетала больше, чем ее гнев или возможная измена. Чего бы он не дал, чтобы захотеть ее, чтобы броситься к ней, уйти в это всегда новое тепло женского тела, неистовствовать, забыться – только уже не сном. Но как раз этого он и не мог. А несколько робких попыток, на которые она отважилась, окончательно отвратили его от Элоизы. Он, который так любил любовь и мог отдаваться ей при любых обстоятельствах, даже самых странных и нелепых, оказывался бессильным в постели рядом с женщиной, нравившейся ему, женщиной красивой и к тому же действительно им любимой.

Впрочем, он преувеличивал. Как-то раз, три недели назад, после знаменитой вечеринки у Жана, он овладел ею. Но теперь это уже забылось. Он слишком много выпил в тот вечер – на что были свои причины, – ему смутно помнилась лишь грубая схватка на широкой постели и приятная мысль при пробуждении, что очко выиграно. Словно краткий миг наслаждения мог быть реваншем за тягостные ночи без сна, за неловкие оправдания и напускную развязность. Конечно, не бог весть что. Жизнь, которая прежде была так щедра к нему – по крайней мере он так считал, и это было одной из причин его успехов, – вдруг отступила от него, как отступает море в часы отлива, оставив одинокой скалу, к которой оно так долго ластилось. Представив себя в образе одинокого старика-утеса, он даже рассмеялся коротким, горьким смешком. Но

ведь действительно, думалось ему, жизнь покидала его, словно кровь, вытекающая из тайной раны. Время уже не шло, а исчезало куда-то. Сколько бы он ни твердил себе, сколько ни убеждал себя, что еще и сейчас у него есть много завидного: выигрышная внешность, интересная профессия, успехи в разных областях, – все эти утешения казались ему столь же пустыми, столь же никчемными, как слова церковных акафистов... Мертвые, мертвые слова.

Вдобавок вечеринка у Жана обнаружила, сколько отвратительной физиологичности было в его переживаниях. Он на минуту вышел из гостиной и отправился в ванную комнату вымыть руки и причесаться. Тут у него выскользнуло из рук мыло и упало на пол, под умывальник; он нагнулся, хотел поднять. Мыло лежало под водопроводной трубой, розовый брусочек как будто прятался там; и вдруг эта розовость показалась ему непристойной; он протянул было руку, чтобы взять его, и не смог. Словно то было маленькое ночное животное, притаившееся во мраке и готовое поползти по его руке. Жиль застыл на месте от ужаса. А когда распрямился, весь в поту, и увидел себя в зеркале, в глубине его сознания вдруг проснулось какое-то отрешенное любопытство, и чувство страха встало на свое место. Он вновь присел на корточки и, глубоко вздохнув, как пловец перед прыжком с трамплина, схватил розовый обмылок. Но тотчас же швырнул его в раковину, как отшвыривают уснувшую змею, которую приняли за сухой сучок; целую минуту после этого он плескал себе в лицо холодной водой. Вот тогда-то и пришла мысль, что виной всему надо считать не печень, не переутомление, не «нынешние времена», а нечто совсем другое. Вот тогда-то он и признал, что «это» в самом деле случилось: он болен.

Но что же теперь делать? Найдется ли на свете более одинокое существо, чем человек, принявший решение жить весело, счастливо, с благодушным цинизмом, человек, пришедший к такому решению самым естественным путем – инстинктивно – и вдруг оставшийся с пустыми руками, да еще в Париже, в одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году нашей эры? Обратиться к психиатру представлялось ему унижительным, и он решительно отверг эту мысль – из гордости, которую склонен был считать одним из лучших свойств своей натуры. Значит, оставалось только одно – молчать. И продолжать это существование. Вернее, попытаться продолжать. Кроме того, сохраняя прежнюю слепую веру в жизнь с ее счастливыми случайностями, он надеялся, что все это ненадолго. Время – единственный властитель, которого он признавал, – унесло его любовные утехы, его радости, горести, даже некоторые взгляды, и не было оснований сомневаться, что оно справится и с «этой штукой». Но «эта штука» была чем-то безликим, безымянным – он не знал, что это, в сущности, такое. А ведь может быть, время имеет власть только над тем, что ты сам осознал.

Глава 2

Он работал в международном отделе газеты и в этот день все утро провел в редакции. В мире происходили кровавые, немыслимые события, пробуждавшие у его собратьев щекочущее чувство ужаса, и это раздражало его. Не так давно, всего три месяца назад, он охотно ахал бы с ними, выражал бы свое негодование, а теперь не мог. Ему было даже чуть досадно оттого, что этими событиями, происходившими на Среднем Востоке, или в США, или еще где-то, как бы пытались отвлечь его внимание от подлинной драмы – его собственной. Планета Земля вращалась в хаосе – у кого теперь могло возникнуть желание или нашлось бы время поинтересоваться его жалкими проблемами? Но разве мало часов потратил он сам, выслушивая мрачные исповеди и признания неудачников? Разве мало он совершил пресловутых подвигов спасения? И что же? Вокруг ходят люди с блестящими от возбуждения глазами, и только он один вдруг растерялся, точно заблудившийся пес, стал таким же эгоистом, как иные старики, таким же никчемным, как они. Внезапно у него возникло желание подняться этажом выше, к Жану, и поговорить с ним. Ему казалось, что из всех его знакомых только Жан способен отвлечься от своих забот и посочувствовать ему.

В тридцать пять лет Жиль Лантье все еще был красив. «Все еще» – потому, что в двадцать он отличался редкостной красотой, которую, впрочем, никогда не признавал, хотя и весело пользовался ею, пленяя и женщин, и мужчин (последних – бескорыстно). Теперь, пятнадцать лет спустя, он похудел, приобрел более мужественный облик, но в его походке, в движениях осталось что-то от победоносной юности. У Жана, который в прежние времена просто обожал его, хотя никогда ему этого не говорил, да и себе самому в этом не признавался, дрогнуло сердце, когда вошел Жиль. Эта худоба, эти синие глаза, эти черные, слишком длинные волосы, эта нервозность... Право, он становился все более и более нервным, и другу следовало бы им заняться. Но он все не мог решиться: Жиль так долго был для него символом счастья и беззаботности, что он не решался заговорить об этом, как не решаешься посягнуть на давно и прочно сложившийся образ... Что, если он рассыплется прахом... и Жану, который с незапамятных времен был круглым, лысым, задерганным жизнью, придется убедиться, что на свете не существует прирожденных счастливых? Жан уже утратил немало иллюзий, но вот с этой иллюзией, быть может ввиду ее наивности, ему особенно жалко было расстаться. Он пододвинул стул, и Жиль осторожно опустился на сиденье, так как в комнате негде было повернуться из-за папок с материалами, громоздившихся на письменных столах, на полу, на камине. Жан протянул ему сигарету. Из окна открывался вид на серые и голубые крыши, на царство водосточных желобов, труб и телевизионных антенн, еще недавно восхищавшее Жилия. Но теперь он даже не посмотрел в ту сторону.

– Ну как? – сказал Жан. – Как тебе нравится, а?

– Ты это об убийстве? Да, можно сказать, ловко состряпали!

И Жиль замолчал, опустив глаза. Прошла минута; Жан, желая оттянуть объяснение, приводил в порядок папки на столе и при этом насвистывал, как будто целая минута молчания была естественной при их встречах. Наконец он решился: природная доброта возобладала надо всем остальным, он вспомнил, как был внимателен и ласков с ним Жиль в те дни, когда от него, Жана, ушла жена, и вдруг почувствовал себя последним эгоистом. Вот уже два месяца с Жилем творится что-то неладное – Жан это чувствовал, но все два месяца избегал разговоров по душам. Нечего сказать, хорош друг! Но теперь, когда Жиль предоставлял ему право, вернее, откровенно вынуждал его начать атаку, он не мог удержаться от маленькой инсценировки. Все мы таковы после тридцати: любое событие, затрагивает ли оно весь мир или только мир наших чувств, требует некоторой театрализации, для того чтобы оно пошло нам на пользу или

дошло до нас. И вот Жан раздавил в пепельнице недокуренную сигарету, сел и скрестил на груди руки. Пристально посмотрев Жилю в лицо, он откашлялся и сказал:

– Ну как?

– Что – как? – отозвался Жиль.

Ему хотелось уйти, но он уже знал, что не уйдет, что он сам вынудил Жана начать расспросы, и, хуже того, у него даже стало легче на душе.

– Ну как? Не клянутся дела?

– Не клянутся.

– Уже месяца два? Верно?

– Три месяца.

Жан определил срок наугад – просто хотел показать, что душевное состояние Жилия не осталось незамеченным, и если он до сих пор об этом не заговаривал, то лишь из деликатности. Но Жиль тотчас подумал: «Строит из себя проницательного человека, хитрюга, а сам на целый месяц ошибся...» Но вслух сказал:

– Да, уже три месяца мне скверно.

– Конкретные причины? – спросил Жан и резким движением поднес зажигалку к сигарете.

В эту минуту Жиль возненавидел его: «Хоть бы оставил этот тон полицейского чиновника, этакого многоопытного субъекта, которого не разжалобишь. Хоть бы не ломал комедию». Но вместе с тем ему хотелось выговориться – непреодолимая, теплая волна подхватила его и повлекла к откровенности.

– Причин – никаких.

– Вот это уже серьезнее, – бросил Жан.

– Ну, все зависит... – возразил Жиль.

Неприятный его тон сразу вывел Жана из роли бесстрастного психиатра; он встал, обогнул стол и, положив руку на плечо Жилия, ласково забормотал: «Ну ничего, ничего, старик», и от этого у Жилия, к великому его ужасу, на глазах выступили слезы. Решительно он никуда не годится. Он протянул руку, взял со стола шариковую ручку и, нажимая на головку, принялся сосредоточенно выдвигать и убирать стержень.

– Что же у тебя не ладится, старик? – спросил Жан. – Может, ты болен?

– Нет, не болен. Просто мне ничего на свете не хочется, вот и все. Кажется, модная болезнь, да?

Он даже попытался ухмыльнуться. Но в сущности, ему отнюдь не было легче оттого, что его душевное состояние оказалось явлением распространенным и официально признанным во врачебном мире. Скорее, было даже обидно. Раз уж на то пошло, он предпочел бы считаться «редким случаем».

– Так вот, – с усилием заговорил он. – Мне больше вообще ничего не хочется. Не хочется работать, не хочется любить, не хочется двигаться – только бы лежать в постели целыми днями одному, укрывшись с головой одеялом. Я...

– А ты пробовал?

– Конечно. Хватало ненадолго. К девяти часам вечера меня уже тянуло покончить с собой. Простыни и подушки казались мне грязными, мой собственный запах – омерзительным, обычные мои сигареты – просто гадостью. Это, по-твоему, в порядке вещей?

Жан буркнул что-то невнятное: эти детали, указывавшие на психический надлом, коробили его больше, чем любые непристойные подробности, и он в последний раз попытался найти логическое объяснение.

– А как с Элоизой?

– Что – с Элоизой? Терпит меня. Как тебе известно, нам с ней, в общем-то, не о чем разговаривать. Но она меня действительно любит. А я, знаешь ли, выдохся. И не только с ней, а вообще. Ну, почти что. Если даже что-то и получается, мне скучно. Так что...

– Ну, это не страшно. Наладится.

И Жан попробовал было засмеяться, свести все дело к уязвленному самолюбию ослабевшего петушка.

– Тебе надо посоветоваться с хорошим врачом, попринимать витамины, подышать чистым воздухом – и через две недели опять начнешь за курочками гоняться.

Жиль вскинул на него глаза. Он даже зашелся от злости.

– Да не своди ты все к этому. Мне на это наплевать, понимаешь? Наплевать! Мне ничего не хочется, понимаешь? Не только женщин. Мне жить не хочется. Существуют для таких случаев витамины?

Наступило молчание.

– Выпьешь виски? – спросил Жан.

Открыв ящик стола, он извлек бутылку шотландского виски и протянул ее Жиле; тот машинально отпил глоток и, вздрогнув, замотал головой.

– Мне теперь и спиртное не помогает. Разве что надраться до полусмерти и заснуть. Алкоголь меня больше не возбуждает. И уж во всяком случае не в нем же надо искать выход, верно?

Жан взял у него бутылку и отпил большой глоток.

– Пойдем, – сказал он. – Пошатаемся немного.

Они вышли. Париж был восхитителен до слез в горле своей ранней весенней голубизной. И улицы были все те же, прежние, и те же были на них бистро, тот же ресторан «Шлюп», куда они обычно ходили всей братией отмечать какое-нибудь событие, и тот же бар, куда Жиль бегал тайком звонить по телефону Марии в те времена, когда любил ее. Боже мой, вспомнить только, как его тогда трясло в душной телефонной будке и как он читал и перечитывал, не понимая, надписи на стенке, а телефон все звонил и звонил, и никто не брал трубки! Как он мучился, как старался напускать на себя развязность, когда, положив трубку, заказывал хозяйке стаканчик у стойки, выпивал его залпом, как щемило у него сердце – щемило от тоски, от бешенства, но он жил тогда! И хотя он был поработан в ту страшную пору, хотя его топтали ногами, это была почти завидная участь по сравнению с теперешним его прозябанием. Пусть его ранили, но по крайней мере хоть ясно было, в чем причина этой боли.

– А что, если поехать куда-нибудь? – сказал Жан. – Взять недели на две командировку для репортажа.

– Неохота, – ответил Жиль. – Как подумаю о самолетах, о расписаниях, о незнакомых гостиницах, о людях, у которых надо брать интервью... Нет, я не в силах... Да еще с чемоданом возиться... Ох, нет!

Жан искоса поглядел на него и на мгновение подумал, уж не ломает ли его друг комедию. Жиль, случалось, любил поиграть, тем более что все обычно попадались на эту удочку. Но сейчас на его лице был написан такой искренний страх, такое неподдельное отвращение, что Жан поверил.

– А то давай проведем вечер с девочками, как в доброе старое время. Как будто мы с тобой деревенские парни, решившие погулять в столице... Нет, это чепуха... А как твоя книга? Твой репортаж об Америке?

– Уже штук пятьдесят таких книг написано, и куда лучше моей. Неужели ты думаешь, что я способен написать хотя бы две интересные строчки, когда меня ничто не интересует?

Мысль о книге окончательно доконала его. Действительно он намеревался написать книгу очерков о США, так как хорошо знал эту страну, действительно мечтал написать – даже составил план. Но теперь – и это была истинная правда – он не мог бы написать ни единой

строчки или развить какую-либо мысль. Да что же, в конце концов, с ним такое? За что он наказан? И кем? Он всегда относился по-братски к своим друзьям, а с женщинами был даже нежен. Он никогда и никому сознательно не причинял зла. Почему же в тридцать пять лет жизнь, как отравленный бумеранг, ударила его?

– Я сейчас скажу, что с тобой, – загудел возле него голос Жана, успокаивающий, невыносимый голос. – Ты переутомился, у тебя...

– Не смей говорить, что со мной, – заорал вдруг Жиль на всю улицу, – не смей говорить, потому что ты не знаешь! Потому что я сам, слышишь, я сам этого не знаю! А главное, – окончательно теряя терпение, добавил он, – отвяжись ты от меня!

Прохожие смотрели на них; Жиль вдруг покраснел, схватил Жана за лацканы пиджака, хотел было что-то добавить, но круто повернулся и, не попрощавшись, быстро зашагал к набережной.

Глава 3

Элоиза ждала его. Элоиза всегда его ждала. Она работала манекенщицей в крупном доме моделей, не очень преуспевала в жизни и с восторгом поселилась у Жилья два года назад, в тот вечер, когда его особенно мучили воспоминания о Марии и он уже больше не мог выносить одиночества. Элоиза была то брюнеткой, то блондинкой, то рыжеволосой, меняя цвет волос каждые три месяца по соображениям фотогеничности, чего Жиль никак не мог взять в толк. Глаза у нее были очень красивые, ярко-синие, прекрасная фигура и неизменно хорошее настроение. Долгое время они в известном плане превосходно ладили друг с другом, но теперь Жиль с тоской думал, как провести с ней вечер, что ей сказать. Конечно, он мог бы уйти из дому один – под предлогом, что его пригласили на ужин, она бы не обиделась, но его совсем не соблазняла еще одна встреча с Парижем, с улицей, с ночным мраком – ему хотелось забиться в угол и побыть одному.

Он жил на улице Дофина в трехкомнатной квартире, которую так и не обставил как следует. Вначале он с энтузиазмом прибавлял полки, делал проводку для стереофонической радиолы, выбирал место для книжного шкафа, для телевизора – словом, с увлечением обзаводился всякими модными новшествами, которые, как принято считать, делают человеческую жизнь приятной и обогащают ее. А теперь он с досадой смотрел на все эти вещи и не в силах был даже взять с полки книгу – это он-то, целыми днями пичкавший себя литературой! Когда он вошел, Элоиза смотрела телевизор, не выпуская из рук газеты, чтобы не пропустить какой-нибудь сногшибательной передачи, а увидев Жилья, вскочила и с веселой улыбкой тотчас подбежала поцеловать его – эта поспешность показалась ему неестественной и смешной, слишком в духе «твоя маленькая женушка». Он направился к бару – вернее, к столику на колесиках, служившему баром, – и налил себе виски, хотя пить ему совсем не хотелось. Потом уселся в такое же кресло, как Элоиза, и тоже уставился с заинтересованным видом на экран телевизора. Оторвавшись на миг от захватывающего зрелища, Элоиза повернулась к нему.

– Удачный был день?

– Очень. А у тебя?

– Тоже.

И она, казалось с облегчением, снова воззрилась на экран. Там какие-то молодые люди пытались составить слово из деревянных букв, которые дикторша с милой улыбкой разбросала перед ними. Жиль закурил сигарету, закрыл глаза.

– По-моему, это «аптека», – сказала Элоиза.

– Прости?

– Мне кажется, что слово, которое им надо составить, – «аптека».

– Вполне возможно, – согласился Жиль.

И он снова закрыл глаза. Потом попробовал сделать еще глоток. Но виски уже успело согреться. Жиль поставил стакан на пол, затянутый коврином.

– Звонил Никола, спрашивал, не хотим ли мы поужинать сегодня с ним в клубе. Как ты думаешь?

– Там видно будет, – ответил Жиль. – Ведь я только что вернулся.

– Но если тебе не хочется выходить, у нас в холодильнике есть телятина. Можно ужинать и смотреть детектив по телевизору.

«Отлично, – подумал он. – Богатый выбор: либо ужинать с Никола, который в сотый раз будет объяснять, что, если бы наше кино не было так продажно, он, Никола, давно бы создал шедевр. Либо сидеть дома и смотреть по телевизору глупейшую передачу, закусывая холодной телятиной. Ужас!» Но ведь прежде он выходил по вечерам, у него были друзья, он развлекался, встречался с новыми людьми, и каждая ночь была праздником!.. Где же его приятели? Он

хорошо знал, где его приятели, – достаточно протянуть руку к телефону. Им просто надоело безрезультатно звонить ему в течение трех месяцев – вот и все. Сколько он ни перебирал в памяти имен, гадая, кого бы ему хотелось сейчас увидеть, таких людей не нашлось. Только этот подонок Никола все еще цепляется за него. Причина ясна: нечем платить за выпивку. Зазвонил телефон, но Жиль не пошевелился. Было время, когда он сразу хватал телефонную трубку, уверенный, что его призывает любовь, приключение или какая-нибудь удача. Теперь же к телефону подходила Элоиза. Она крикнула из спальни:

– Это тебя: Жан звонит.

Жиль замялся. Что сказать?

Потом вспомнил, что днем грубо обошелся с Жаном, а грубость всегда выглядит и некрасиво, и глупо. В конце концов, ведь он сам полез к Жану со своими неприятностями, а потом бросил его посреди улицы. Он снял трубку.

– Это ты, Жиль? Ну что у тебя?

– Все в порядке, – ответил Жиль.

Голос Жана был теплый, встревоженный – голос настоящего друга. Жиль растрогался.

– Прости, что так вышло сегодня, – сказал он, – я, видишь ли...

– Завтра поговорим о серьезных вещах. Ты что делаешь вечером?

– Да наверно, я... наверно, мы сегодня останемся дома и будем есть холодную телятину.

Это был настоящий, едва прикрытый призыв о помощи, за которым последовало короткое молчание. Затем Жан ласково произнес:

– Знаешь, нечего тебе дома сидеть. Сегодня в «Бобино» премьера. Если хочешь, у меня есть билеты, я могу...

– Нет, спасибо, – ответил Жиль. – Не хочется вылезать из дому. Давай лучше завтра устроим грандиозный кутеж.

Он вовсе и не думал ни о каком кутеже, и Жан это знал. Но в театр уже было поздно: Жану пришлось бы ехать переодеваться, снова выходить из дому, и этот явно надуманный проект кутежа его устраивал. Он согласился, на всякий случай сказал с не принятой между ними нежностью: «До завтра, старик!» – и повесил трубку. Жиль почувствовал себя еще более одиноким. Он вернулся в гостиную, сел в кресло. Элоиза по-прежнему как замороженная не сводила глаз с экрана. Жиль вдруг взорвался:

– Неужели ты в состоянии смотреть это!

Элоиза не выразила ни малейшего удивления – только повернула к нему кроткое, смиренное лицо.

– Я думала, так лучше: ты тогда можешь не говорить со мной.

От изумления он опешил, не зная, что отвечать. И в то же время слова ее прозвучали так униженно, что он ощутил хорошо знакомый ему глухой ужас: кто-то страдает из-за него. И он понял, что его разгадали.

– Почему ты так говоришь?

Она пожала плечами:

– Да так. Мне кажется... у меня такое впечатление, что тебе хочется побыть одному, хочется, чтобы к тебе не приставали. Вот я и смотрю телевизор...

Она глядела на него с мольбой: она хотела, чтобы он сказал: «Да нет же, нет, лучше уж ты приставай, говори со мной, ты мне нужна» – и на миг у него возникло желание сказать это, чтобы доставить ей удовольствие. Но это была бы ложь, еще одна ложь – какое он имел право так говорить?

– Я не очень хорошо себя чувствую в последние дни, – произнес он слабым голосом. – Не сердись на меня. Сам не знаю, что со мной.

– Я не сержусь, – ответила она. – Я ведь знаю, что это такое. В двадцать два года со мной было то же самое – нервная депрессия. Я все время плакала. Мама безумно за меня боялась.

Ну вот, этого следовало ожидать! Сравнения! С Элоизой всегда все уже было.

– И как же это кончилось?

Вопрос был задан злобным, насмешливым тоном. В самом деле, разве можно сравнивать его болезнь с недугами Элоизы? Это же просто оскорбительно.

– Само прошло – ни с того ни с сего. Месяц я принимала какие-то таблетки – я позабыла, как они называются. И в один прекрасный день мне вдруг стало лучше...

Она даже не улыбнулась. Жиль посмотрел на нее чуть ли не с ненавистью:

– Жаль, что ты забыла, как называются эти таблетки. Может, спросишь у мамы по телефону?

Элоиза встала и, подойдя к нему, обхватила ладонями его голову. Он пристально смотрел на ее красивое, спокойное лицо, на ее губы, столько раз целованные им, на синие, полные сочувствия глаза.

– Жиль!.. Жиль!.. Я знаю, что я не очень умная и вряд ли могу помочь тебе. Но я тебя люблю, Жиль, дорогой мой!..

И она заплакала, уткнувшись в его пиджак. Ему стало и жаль ее, и в то же время чудовищно скучно.

– Не плачь, – говорил он, – не плачь, пожалуйста. Все уладится... Я совсем развинулся, завтра пойду к доктору.

И так как она продолжала тихонько всхлипывать, как напуганный ребенок, он дал ей слово, что завтра же обязательно пойдет к доктору, весело съел свою порцию холодной телятины и попытался немного поболтать с Элоизой. Потом, когда они легли в постель, он ласково поцеловал Элоизу в щеку и повернулся на бок, молясь в душе, чтобы больше никогда не наступал рассвет.

Глава 4

Доктор оказался человеком умным, что отнюдь не облегчало положения. Он простукал легкие Жилия, послушал сердце, задал со скучающим видом обычные вопросы, явно не придавая им ни малейшего значения. Теперь Жиль сидел напротив врача в глубоком кресле стиля Людовика XIII и пристально смотрел на него в смутной надежде, что эта уверенность, этот безапелляционный тон не прикрывают полного бессилия врача исцелить пациента. «В конце концов, врачи научились вырабатывать такое вот решительное выражение лица так же, как адвокаты напускают на себя уверенность, так же, как у меня, вероятно, бывает иной раз выражение глубокого интереса и понимания, подобающее журналисту». И все же надежда теплилась в его душе. А вдруг и в самом деле существует такая маленькая пилюлька, излечивающая от отвращения к жизни? Почему бы такой и не быть? Может, у него, Жилия Лантье, просто чуточку недостает в организме кальция, или железа, или еще какой-нибудь штуковины и только поэтому он несчастен? Ведь бывает же, в конце концов, и так! Человек выдумывает невесту что насчет своей воли, свободы, мозга, и вдруг оказывается, что он связан по рукам и по ногам просто потому, что ему недостает витамина В. Так-то. Именно это и надо себе внушить. Убедить себя в этом. Человеческий организм – весьма сложная фабрика и...

– Словом, вы чувствуете себя плохо, – сказал доктор. – Не скрою от вас, что я мало чем могу вам помочь.

– Как так?

Жиль почувствовал себя униженным и обозлился. Ведь он уже психологически отдался во власть этого врача, доверился ему, и вдруг через час этот шарлатан преспокойно заявляет, что на него рассчитывать не приходится. Да ведь он врач – это же, в конце концов, его ремесло. Он обязан что-нибудь сделать. Что, если бы в гараже механики вдруг перестали разбираться в машинах или...

– Физически вы вполне здоровы. Во всяком случае, по внешним показателям. Если хотите, можно сделать анализы. Можно прописать вам лекарство для поднятия тонуса. Одну капсулу перед едой по пять раз в день...

Он говорил почти насмешливо, и Жиль возненавидел его. Он шел к чадолюбивому отцу, а ему подсунули ученого скептика.

– Раз вы считаете, что это поможет, я готов принимать любое лекарство хоть по десять раз в день, – сухо сказал он.

Доктор засмеялся:

– Только какое? Вы страдаете общей вялостью, которую мы называем депрессией. Она затрагивает и умственную деятельность, и половую сферу, и все прочее, как вы говорили. Если желаете, могу направить вас к психиатру. Иногда бывает толк. Иногда нет. Есть у нас доктор Жиро, он очень хорошо разбирается...

Жиль взмахом руки отменил это предложение.

– Могу посоветовать вам отправиться в путешествие, отдохнуть хорошенько или, наоборот, изнурять себя. Признаться, я плохой специалист в этой области и не решусь утверждать то, чего не знаю. Могу посоветовать только одно: выждать.

Тут он позвал ассистентку и, словно делая подарок Жилию, продиктовал ей рецепт на безобидное и вместе с тем сложное по составу лекарство. Жиль смотрел на него: ведь у этого человека хорошее, умное и усталое лицо. Подписав рецепт, доктор протянул его Жилию:

– Давайте все-таки попробуем. По крайней мере жену свою успокойте, если вы женаты.

Жиль встал, но не решался уйти. Ему хотелось спросить: «Ну и что же мне теперь делать?» Он так редко ходил к врачам, что был ошеломлен равнодушием эскулапа, к которому обратился за помощью.

– Благодарю вас, – сказал он наконец, – я знаю, что вы очень заняты и только по просьбе Жана...

– Мы с Жаном большие приятели, – сказал доктор. – Во всяком случае, друг мой, таких больных, как вы, я вижу человек пятнадцать в неделю. В конце концов все у них налаживается. Знамение времени, как говорится.

Он похлопал Жилия по спине и выставил за дверь. Итак, в пять часов вечера Жиль оказался на тротуаре, взбешенный и, главное, ошеломленный, словно ему объявили, что он скоро умрет. Жан сказал ему: «Сходи к этому доктору, он по крайней мере не будет морочить тебе голову». Но разве не имеет право врач, занимающийся исцелением недугов, морочить людям голову? Жиль отдавал себе отчет, что он предпочел бы иметь дело с каким-нибудь лжепророком или с дураком, пичкающим пациентов лекарствами. Он пал так низко, что предпочел бы, чтобы его обманывали в открытую, ввали в лицо, лишь бы это его подбодрило. Вот до чего он дошел. И при этой мысли он стал себе еще противнее.

Что делать? Можно, разумеется, вернуться в редакцию, хотя у него – в кои-то веки – имелась основательная причина «прогулять»: «Я был у врача». Что за ребяческие повадки, что за мания вечно оправдываться, врать, видеть в других взрослых людях классных надзирателей, которых ничего не стоит надуть, – да, это настроение, ставшее привычным, угнетало его все больше и больше. А его работа, работа, которой он прежде так увлекался! Теперь он не в силах выполнять ее, пусть даже плохо. Все делает сейчас за него Жан. И это в конце концов станет известно в редакции. Его выкинут из газеты, которую он полюбил и где с таким трудом сумел создать себе положение, и он вновь станет жалким борзописцем в какой-нибудь бульварной газетенке. И поделом ему. Он кончит жизнь среди ненасытных подонков, которыми кишат редакции подобных «органов печати», будет беспробудно пьянствовать, а вечерами оплакивать свою судьбу в ночных кабаках. Вот и все.

Ну что ж, раз опускаться на дно, так уж опускаться сразу. Жильда, наверно, сейчас дома – Жильда что-нибудь придумает. Жильда всегда дома и всегда готова доставить удовольствие другим или себе самой либо то и другое вместе. Жильда уже много лет была содержанкой весьма покладистого бразильца, которого пленил ее цинизм; она почти не выходила из своей квартиры в Пасси, в бельэтаже, жила в чаду чувственных удовольствий, как другие – в чаду опиума. В сорок восемь лет у нее было все еще великолепное тело, что-то львиное в чертах увядающего лица и дикие вспышки гнева. Жан говорил, что это одна из последних героинь Барде д'Орвилли, и Жиль мог бы с этим согласиться, не будь он таким знатоком женщин: иной раз за торжествующе-грубой личиной Жильды угадывалось нехитрое, чуть книжное комедианство. Но во всяком случае она была славная баба и очень его любила. Он подозвал такси, потому что вот уже два месяца водить машину по улицам Парижа стало для него невыносимой пыткой, и дал шоферу адрес Жильды.

На этот раз она в виде исключения была одна и приняла его в домашнем пестром платье, что ей очень шло. Жилия она встретила потоком нежных укоров. Он присел на край кровати и приготовился слушать ее болтовню. Ей, оказывается, ужасно его недоставало. Она недавно вернулась с Багамских островов. Она терпеть не может жаркие страны – почти так же, как северные. Теперь у нее новый любовник, девятнадцатилетний юнец, она с ним разводит сантименты. Но его сестра тоже ей нравится. Виски или сухой мартини? Прежде он пил сухой мартини. Во времена их романа. Сколько же дней он продолжался? Жильда едва не полюбила его. Да-да, по-настоящему. Минут через десять она остановилась и кинула на Жилия строгий взгляд.

– Ты что там замышляешь?

И оба приснули со смеху. Они уже давно ввели в обиход это выражение: «Ты что там замышляешь?» Раздражение Жилия прошло, он успокоился, вытянул ноги поудобнее и окинул благосклонным, отчужденным взглядом бывшего жильца причудливо обставленную комнату.

– Я сейчас у доктора был, – сказал он.

– Ты? Что же с тобой стряслось? А ты и правда похудел. Уж не подцепил ли...

Она не договорила, и Жиль не без иронии подумал, что слово, не произнесенное Жильдой, было, пожалуй, единственным, которое она стыдилась выговорить вслух.

– Успокойся, рака у меня нет. Ничего у меня нет. Только хандра.

– Ну и хорошо, – обрадовалась она. – А то я уж испугалась. И давно это у тебя?

– Да месяца три. Не знаю в точности.

– Вот что, – сказала она назидательным тоном, – вовсе у тебя не хандра. У тебя депрессия. Вспомни, в каком я была состоянии в шестьдесят втором году...

По-видимому, этой болезнью, во-первых, страдали все подряд, а во-вторых, с жаром стремились о ней поведать, и это было досадно. Жилю пришлось выслушать рассказ Жильды о том, как у нее была нервная депрессия, которая в одно прекрасное утро внезапно прошла сама собой – кажется, на острове Капри, и Жиль все пытался понять, было ли тут что-нибудь общее с тем, что испытывает он, Жиль Лантье. Ничего общего.

– Я знаю, что ты думаешь, – вдруг сказала она. – Ты думаешь, что у тебя все по-другому. Но ты ошибаешься. Все так же, как у меня. В один прекрасный день ты проснешься утром веселый, как зяблик, такой же, как прежде... или пустишь себе пулю в лоб. Ты, конечно, умнее меня, но какая сейчас тебе польза от твоего ума?

Она говорила ласково, положив руку ему на колено, наклонясь к нему, и он удивлялся, что его нисколько не влечет к этому прекрасному телу. Прежде у него всегда вспыхивало желание при встречах с ней. Он было потянулся к глубокому вырезу ее платья, но она перехватила его руку.

– Нет, – сказала она. – Я же вижу, тебе ничуть не хочется.

Тогда он положил голову ей на плечо и вытянулся рядом – он лежал одетый, – не двигаясь. Она молча поглаживала его по голове. Он ничего не видел, уткнувшись носом в складки ее шелкового платья, ему трудно было дышать, подташнивало, но он не в силах был пошевелиться. Жильда вдруг встряхнула его – он пробормотал что-то невнятное.

– Слушай, Жиль, сейчас приедет Арно. Мне надо одеться: он хотел поехать со мной в какой-то омерзительный ночной кабак. Но ты можешь остаться здесь. Если хочешь, я пришлю тебе Веронику. Это индианка, великолепная, необыкновенно зажигательная женщина. Хоть развлечешься немного. Ты что, все еще с Элоизой?

Она произнесла эти слова презрительным тоном, каким говорят женщины, желая показать, что не одобряют затянувшихся связей своих бывших любовников. Жиль кивнул.

– Значит, да?

Ему хотелось только одного – не двигаться. Так страшно было вновь ринуться в парижскую сутолоку, искать такси в семь часов вечера, выдерживать натиск куда-то спешащей толпы.

– Хорошо, я останусь.

Он с неподдельным удовольствием смотрел, как она подправляет грим, переодевается, звонит по телефону. Он даже пожал руку юному Арно, типичному котику. Не без снисходительности.

Ожидая в тихой квартире обещанного появления незнакомки, он даже почувствовал себя героем детективного романа, и это забавляло его. После ухода Жильды он устроился на диване в гостиной, накинув на себя мужской халат, который кто-то очень кстати здесь оставил, закурил сигарету, взял иллюстрированный журнал, поставил возле себя на ковре стакан с виски; потом ему пришлось встать, чтобы найти пепельницу; потом – встать, чтобы приглушить проигрывающий, запущенный Жильдой слишком громко для тихой музыки; потом пришлось встать, чтобы отворить окно, потому что он задыхался от жары; потом пришлось встать, чтобы закрыть окно, потому что он продрог; потом пришлось встать, чтобы взять сигареты, забытые им в спальне Жильды; потом пришлось встать, чтобы положить кусочек льда в согревшийся виски; потом пришлось встать, чтобы переменить пластинку, прокрученную уже три раза подряд; потом при-

шлось встать, так как звонил телефон; потом пришлось встать за новым журналом. И когда по истечении часа у входной двери раздался звонок, раздражение Жиля против самого себя достигло апогея, и он не встал, чтобы отворить.

Глава 5

Он шел по улицам, направляясь домой, но не прямо, а делая один крюк за другим, потому что не мог ни остановиться, ни повернуть назад. В голове стояла какая-то гудящая пустота, ему казалось, что все на него оглядываются, все видят, каким он стал безобразным, жалким, и он сам себя таким ощущал; то ему чудилось, будто он топчется на месте, то он вдруг обнаруживал, что пересек широкую площадь и даже не заметил этого. Почему-то он оказался в Тюильри, и тут ему вспомнилось, как Дрие ла Рошель в свое время тоже пришел сюда якобы для прогулки, для своей последней прогулки, – Жилью стало смешно: у него никогда не хватит мужества, да и нет желания покончить с собой. Даже этого у него нет. К его отчаянию подходит любой эпитет, но только не «мужественное» или «романтическое». По правде говоря, его бы вполне устроило, если бы у него возникло желание покончить с собой. Вообще, его устроила бы любая крайность.

«А может, у меня все-таки этим дело и кончится? – думал он, словно желая успокоить себя. – Если и дальше так пойдет, мне, конечно, не выдержать. Должен же я буду что-то сделать, ведь я...» Он думал об этом «я» со смешанным чувством надежды и страха, словно о каком-то постороннем человеке, который мог действовать вместо него. Но только позднее, так как сейчас в нем не было того «я», которое способно застрелиться, сунув пистолет себе в рот, или броситься вон туда, вниз, в темно-зеленые воды Сены, – он не мог представить себе ни как он умрет, ни как будет жить. Сейчас ему ничего не довести до конца. Он мог только дышать, существовать, мучиться.

Вдруг его пробрала дрожь, и он решил пойти в клуб и напиться. Конечно, это не блестящий выход, но он просто не может больше шагать вот так, пряча заочневшие руки в карманы плаща, и быть все время под током, чувствуя каждый нерв, ведущий от ладоней к плечам, к сердцу, к легким. Да, надо напиться вдрызг, а домой его кто-нибудь привезет. По крайней мере, тогда он уснет. И Элоиза укроет его одеялом.

Он вошел в клуб, поздоровался с барменом, дал дружеского тумака Жоэлю, обменялся шуточками с Пьером, помахал рукой Андре, Билю, Зоэ – словом, проделал все, что положено, и, несмотря на многочисленные приглашения, сел один у стойки бара. Он выпил шотландского виски, затем повторил, но пил его, будто воду. Тут появился Тома, явно пьяный, блаженно улыбающийся, и сел рядом с Жилем. В редакции они были тайными врагами вот уже четыре года – с тех пор, как произошла эта темная история из-за некой девицы и из-за некоего репортажа, – Жиль сейчас уже не помнил подробностей. Знал только, что они поссорились. Тома, маленький, щуплый, с остреньким личиком, говорил пронзительным фальцетом, раздражавшим Жилья.

– А-а, вот он, наш красавец Жиль! – воскликнул он, дохнув ему в лицо таким густым винным перегаром, что Жиль невольно отшатнулся. Для достойного завершения вечера не хватало только этой встречи. – Ты что шарахаешься? Не нравлюсь я тебе? Скажи, не нравлюсь?..

Пьер издали делал знаки. В тот вечер он дежурил по клубу и потому хотел предупредить Жилья, что Тома вдребезги пьян, хотя это и так было очевидно. Тома все не отставал:

– Ну, красавец? Что ж ты не отвечаешь?

И вдруг резким движением – не то нарочно, не то нечаянно – опрокинул свой стакан прямо на рубашку Жилья. Стакан упал на пол и разбился. Все притихли.

В эту минуту что-то оборвалось в груди Жилья. Все исчезло: жажда счастья, уважение к людям, самообладание, – все вдруг затрещало, рухнуло в порыве злобы, и Жиль вдруг увидел как бы со стороны, что он бьет Тома; бедняга свалился от первого же удара, а Жиль стоял возле него на коленях и бил его кулаком по остренькому личику, бил по своей жизни, по своему разочарованию в жизни, бил самого себя. Чьи-то сильные руки схватили его за плечи,

оттащили, а он все продолжал драться, почти рыдая, и буйствовал до тех пор, пока до него не донеслись слова: «Пес бешеный» – и кто-то не дал ему в зубы. Тогда он перестал вырываться, и все умолкли. Жиль увидел вокруг себя с десятков недоуменных, возмущенных лиц, увидел, как маленький Тома встает на четвереньки, и почувствовал на губах соленый вкус крови и слез. Он вышел, пятясь к двери, и никто не сказал ему ни слова. Даже Пьер, с которым он пьянствовал всю свою молодость. Как раз Пьер-то и ударил его, сообразил Жиль, и правильно сделал. Это ведь его обязанность, в конце концов. Каждый должен зарабатывать себе на жизнь.

В квартире слышались голоса, и он в удивлении остановился у дверей. Было около полуночи. Он вытащил из кармана носовой платок и вытер кровь, запекшуюся в уголках губ: ему вовсе не хотелось появиться в образе Франкенштейна¹. В былые времена он не преминул бы разыграть эту роль, но теперь маленькие комедии, прежде забавлявшие его, потеряли для него свой смысл. В гостиной сидел Жан вместе со своей приятельницей Мартой, ласковой и глупой толстухой, а Элоиза стояла у окна. Она вздрогнула, когда он вошел. Жан повернулся к нему с притворно-спокойным видом, а Марта воскликнула:

– Боже мой!.. Жиль, что с вами случилось?..

«Настоящий семейный совет, – подумал он. – Добрые души, искренние друзья тревожатся вместе с верной подругой... И вдобавок какая удача: герой возвращается раненым». Элоиза тут же помчалась в ванную за ватой. Жиль рухнул в кресло и улыбнулся:

– Я подрался – глупо, как всегда, когда люди дерутся. И знаешь с кем, Жан? С Тома.

– С Тома? Только уж не говори, пожалуйста, что это он так тебя отделал.

И Жан засмеялся с благодушным и недоверчивым видом знатока: недаром он каждый понедельник ходил на бокс.

– Нет, – ответил Жиль. – Это Пьер ударил, когда разнимал нас.

И вдруг ужаснулся, вспомнив об этой жалкой ссоре, о своем ожесточении, о том, что он с упоением бил человека. «Мало того, что я самому себе противен. Если я стану противен еще и другим...» Он поднял руку:

– Не надо больше об этом. Завтра в редакции меня будут называть скотом, а послезавтра все позабудется. Чему я обязан удовольствием вас видеть?

Вопрос этот он задал Марте, но она не ответила, только приветливо улыбнулась. Должно быть, Жан сказал ей: «С Жилем что-то неладно», и она с любопытством смотрела на человека, у которого что-то неладно – состояние, явно непостижимое для нее.

Элоиза уже прибежала – собранная, сосредоточенная – женщины обожают изображать сестру милосердия, – и первым делом запрокинула Жилю голову.

– Сиди смирно. Немножко пощиплет – и все.

«А теперь воображает себя заботливой мамашей: „Мой мальчуган напроказил“. Что их так тянет устраивать нелепейшие комедии? Только что разыграли чисто мужской скетч на тему „Карликов не быют“, а теперь „Возвращение Жилия Лантье к домашнему очагу и заговор его близких для его же блага“. Жан в роли резонера журит подравшегося приятеля: „Ай-ай-ай, нехорошо!“ Элоиза разыгрывает домовитую хозяйку, Марта ничего не изображает, потому что глупа как пробка. А иначе она подлетела бы с флакончиком спирта и протянула бы его Элоизе».

Рассеченную губу действительно сильно щипало. Жиль заворчал.

– Ну? – спросил Жан. – Что тебе сказал Даниель?

– Даниель?

– Ну да – доктор.

– А разве ты не разговаривал с ним по телефону?

Жиль сказал это наугад, сердитым тоном, намекая на всегдашнее отношение к нему своего друга – отношение отеческое, покровительственное, даже чересчур, и, увидев, как Жан

---

¹ Франкенштейн – герой многочисленных фильмов ужаса, получеловек-полувампир.

покраснел, догадался, что попал в точку. Итак, Жан действительно тревожился, и это вдруг испугало его, наполнило чувством поистине животного страха: а что, если это все кончится психиатрической больницей?

– Верно, – подтвердил Жан с благочестивой кротостью человека, не желающего лгать, когда лгать уже ни к чему, – верно, я звонил ему.

– Ты, значит, тревожился?

– Немного. Но он меня, кстати сказать, успокоил.

– Так хорошо успокоил, что ты в полночь пришел навестить меня?

Жан внезапно вспыхнул:

– Я пришел, потому что Элоиза знала, что ты в четыре часа отправился к доктору и вдруг куда-то пропал, и она безумно беспокоилась. Я пришел составить ей компанию и подбодрить. Поговорил по телефону с Даниелем: по его мнению, у тебя нервное переутомление, угнетенное состояние, как у девяти десятых жителей Парижа. Но это еще не основание для того, чтобы люди из-за тебя беспокоились, мучились, пока ты дерешься в барах с Тома или с кем-нибудь еще там.

Наступило молчание. Потом Жиль улыбнулся:

– Извини, папочка. А что еще говорил тебе твой приятель?

– Тебе надо переменить обстановку.

– Вот как? Газета преподнесет мне бесплатный билет, и я отправлюсь в туристическую поездку на Багамские острова, верно? Ты потолкуешь на этот счет с шефом?

Он почувствовал, что говорит глупо, зло и совсем не остроумно, но не мог остановиться.

– На Багамских островах как будто бы очень красиво, – светским тоном вставила Марта, но Жан бросил на нее такой свирепый взгляд, что Жиль с огромным трудом подавил желание расхохотаться.

Он кусал губы и, несмотря на боль, все же чувствовал, что из горла рвется смех, неудержимый, как и его недавняя злоба. Он изо всех сил боролся с собой, попытался сделать глубокий вдох, но фраза, брошенная Мартой, не выходила у него из головы и казалась ему невероятно смешной. Он кашлянул, закрыл глаза и вдруг расхохотался.

Он хохотал и хохотал, еле переводя дыхание. «Багамские острова, Багамские острова, – бормотал он между приступами смеха, как бы извиняясь. – Багамские острова... Багамские острова». А когда он открывал глаза, то видел перед собой три озабоченных лица и принимался хохотать еще громче. Ранка на губе раскрылась, он чувствовал, как по подбородку тоненькой струйкой течет кровь, и смутно сознавал, что в таком виде – окровавленный, хохочущий до слез, до рыданий, дергающийся от смеха в этом кресле, обитом рубчатым вельветом, – он похож на сумасшедшего. Все вдруг стало нелепым, диким, смешотворным. А сегодняшний день... О боже, так провести вечер... В чужом халате возлежал на диване, как паша в ожидании одалиски, которой так и не отворил дверь... Ах, если бы он только мог рассказать об этом Жану... Но приступы смеха не проходили – он не мог остановиться, не мог произнести ни слова... Он стонал от смеха. Он псих, вся жизнь психованная. А почему эти трое не хохочут?

– Перестань! – твердил Жан. – Перестань!

«Сейчас он даст мне пощечину, наверняка даст – считает, что в подобных случаях так нужно. Все считают, что на каждый случай в жизни есть свое правило. Если человек слишком громко смеется, его бьют по щекам, если он слишком горько плачет, ему дают снотворное или посылают на Багамские острова».

Но Жан не дал ему пощечины. Он отворил окно, женщины укрылись в спальне, и приступ дикого хохота постепенно прошел. Жиль даже не знал, почему он так смеялся. Не знал он также, почему теперь по его лицу текут теплые, тихие неиссякаемые слезы и почему Жан протягивает ему платок, выдернув его из верхнего кармашка пиджака, светло-синий платок в гранатовую клетку, а рука у него так и дрожит.

Часть вторая

Лимож

Глава 1

Он лежал на траве и смотрел, как вдали над холмом восходит солнце. Со дня своего приезда сюда он просыпался слишком рано, да и спал плохо, потому что деревенская тишина и покой раздражали его не менее, чем шумная сутолока Парижа. Его сестра, у которой он теперь жил, знала это и втайне обижалась. У нее не было детей, и к младшему своему брату Жилью она относилась как к сыну. И то, что ей не удалось за две недели, по ее выражению, «поставить его на ноги», казалось ей прямым оскорблением Лимузену, чистому воздуху родного края и вообще их семейству. Ей, разумеется, случалось встречать в газетах рассуждения о «нервной депрессии», но она считала, что это скорее капризы, чем болезнь. Вот уже сорок лет, как Одилия с завидным беспристрастием делила время между своими родными, своим мужем и своим хозяйством и, будучи лишенной воображения и одновременно столь же доброй, просто не в состоянии была поверить, что отдых, сочные бифштексы и прогулки не могут излечить от любого недуга. А между тем Жиль все худел, молчал и даже иногда убегал из комнаты, когда она, например, заводила разговор с Флораном, своим мужем, о последних событиях. Если же она включала телевизор, превосходный, недавно купленный телевизор, принимающий две программы, Жиль запирался у себя в комнате и выходил только на следующее утро. Он и всегда-то был взбалмошным путаником, но теперь, видно, и вовсе свихнулся в своем Париже. Бедняжка Жиль!.. Когда она гладила его по голове, он – удивительное дело! – не вырывался, позволял ей ласкать себя, даже садился на скамеечку у ее ног и молча сидел, пока она занималась вязанием, словно у него становилось легче на душе от ее присутствия. Она болтала о всякой всячине, смутно догадываясь, что это его не интересует, зато успокаивает, как успокаивают все вековые темы: смена времен года, виды на урожай, соседи.

Он решил уехать сразу же после мучительного дня, пережитого в Париже, а так как денег у него не было, одни долги, и, кроме того, любой незнакомый человек вызывал в нем страх, он решил укрыться у Одилии, в обветшалом доме, который оставили им родители и куда она после их смерти переехала со своим мужем Флораном, нотариусом, человеком по-детски кротким, и беспомощным в делах, и существовавшим только на арендную плату и кое-какую ренту, и жившим в отрыве от событий дня. Жиль знал, что у сестры ему будет смертельно скучно, но по крайней мере здесь он сможет убежать от самого себя, от тех нелепых припадков, которые, как он чувствовал, будут повторяться все чаще, если он останется в Париже. Во всяком случае если он начнет тут кататься по земле, то свидетелями окажутся только овцы на лугах Лимузена, а это все же менее неприятно, чем рыдать на глазах у друзей и собственной любовницы. Кроме того, побыть в обществе родной сестры, другими словами, единственного человека, связанного с тобою естественными, кровными узами, казалось ему просто благословением небес. Всякая нарочитость, все показное вызывали в нем ужас. Теперь ему не в чем было себя упрекнуть – перед кем бы то ни было. Парижскую квартиру он оставил Элоизе, в газете его замещал Жан – он дал им обоим твердое обещание вернуться через месяц вполне здоровым. Но вот он здесь уже две недели и близок к отчаянию. Природа тут великолепна – он это видел, но не чувствовал; родительский дом, безусловно, ему мил, но утешения он тут не нашел: каждое дерево, каждая стена, каждый закоулок как будто говорили ему: «Прежде ты был здесь счастлив, ты был тогда хорошим», а теперь он бочком пробирался по аллеям сада или по коридорам дома, словно вор. Обворованный вор, у которого украли все, даже детство.

Солнце поднялось и залило светом зеленый луг. Жиль зарылся лицом в росистую траву, повернул голову вправо, влево, не спеша вдыхая запах земли, пытаясь воскресить то блаженное ощущение счастья, которое раньше приходило само собою. Но даже такие простые радости не приходят по заказу, и он сам себе был противен, будто ломал комедию, притворялся, что любит природу, – вот так же мужчине, прежде плававшему страстью к женщине, неприятно оказаться с ней в постели, когда эта страсть угаснет, повторять те же слова и жесты, хотя сердце замкнулось и молчит. Он встал, с досадой обнаружил, что пуловер у него вымок, и направился к дому.

Это был старый серый дом с голубой крышей, с двумя маленькими смешными коньками, типичный лимузенский дом, с террасой на переднем плане и с холмом позади, – дом, где в любое время года и в любой час пахло цветущей липой и летними сумерками. По крайней мере так казалось Жилю, даже теперь, в этот ранний час, когда он, поеживаясь от утреннего холодка, вошел в кухню. Одилия уже встала и, накинув халат, варила кофе. Жиль поцеловал ее. Она что-то пробормотала о воспалении легких, которое ничего не стоит схватить, ваяясь ранним утром в росистой траве. И все же ему было хорошо возле нее, приятно было вдыхать запах кофе и ее одеколона, запах дров, тлевших в камине; ему хотелось бы быть на месте большого рыжего кота, который лежал на сундуке и сейчас, потянувшись, соблаговолил наконец проснуться. «Боже мой, боже мой, вот она, настоящая жизнь, простая и спокойная!» Как жаль, что он способен лишь на несколько минут включиться в эту милую рутину: тотчас же жизнь с ее неотвязными тревогами набрасывается на него, будто свора гончих, которые дали затравленному оленю трехминутную передышку, лишь бы длилась безумная гонка. В эту минуту в кухню вошел Флоран, тоже в халате. Он был низенький и такой же толстый, как его жена, но с голубыми, огромными, как два озерца, глазами, словно по ошибке попавшими на его румяное лицо. У него была забавная привычка комментировать жестами все, что говорилось вокруг: если разговор заходил о войне, он загораживал лицо согнутой в локте рукой, а если говорили о любви, прикладывал палец к губам. Поэтому, увидев Жиля, он высоко поднял руку и поздравился с ним так громко, словно их разделяло расстояние в сотню шагов.

– Ну как? Хорошо спал, дорогой? Приятные видел сны?

И он бросил на него заговорщический взгляд. Он упорно отказывался верить в болезнь своего шурина и объяснял его состояние каким-то неудачным романом. Отпирательства Жиля нисколько не помогали. В глазах кроткого нотариуса Жиль был и оставался соблазнителем, которого на сей раз заарканила какая-то дрянь. И, видя Жиля простертым в шезлонге, он бросал ему в утешение какую-нибудь игривую фразу: «Одну потерял, десять новых найдешь» – и при этом судорожно растопыривал пальцы обеих рук. Такие шутки вызывали у Жиля безумное желание расхохотаться и одновременно злость, и он не отвечал. Но, поразмыслив, он испытывал некоторое удовольствие и даже радовался, что Флоран так плохо понимает его состояние. В конце концов, это могло быть и правдой. Вся эта путаница как-то смягчала дело. Так к человеку, заболевшему инфекционной желтухой, приходит приятель и, видя на подушке желтое как лимон лицо, выражает беспокойство по поводу того, что больной начинает лысеть.

– Который час? – весело осведомился Флоран. – Восемь часов? День-то, день-то какой прекрасный!..

Жиль, вздрогнув, повернулся к окну. В самом деле, какой прекрасный день его ждет! Надо будет свозить сестру в соседнюю деревню за покупками, а себе купить газеты, журналы, сигареты; вернувшись, он устроится на террасе и будет читать до обеда, а потом пойдет прогуляться по лесу, возвратившись, выпьет перед ужином с Флораном виски и рано, очень рано отправится спать, чтобы сестра, которая уже с восьми часов вечера не находит себе места, могла наконец включить телевизор. Сам не зная почему, Жиль проявлял к телевизору слишком подчеркнутое отвращение. На минуту ему стало совестно: по какому праву он лишает сестру

удовольствия? Неужели посидеть у телевизора – такой уж смертный грех? Ей ведь не очень-то весело живется. Он наклонился к Одилии:

– Сегодня вечером я буду вместе с вами смотреть телевизор.

– Ой, нет! – возразила она. – Только не сегодня. Мы все вместе едем к Руаргам. Я же говорила тебе на днях.

– Ну значит, я в одиночестве буду наслаждаться телевизором, – шутливо сказал он.

– Да ты с ума сошел! – воскликнула Одилия. – Ты тоже поедешь! Мадам Руарг очень просила. Она тебя знает с пяти лет...

– Я к тебе приехал не для того, чтобы ходить по гостям! – в ужасе закричал Жиль. – Я приехал сюда отдыхать. Не поеду к Руаргам – и все.

– Нет, поедешь, невежа! Сердца у тебя нет, хулиган!..

Оба орала во весь голос, словно вдруг ожили неистовые ссоры их юных дней, а перепуганный Флоран, забавно жестикулируя, тщетно пытался их успокоить, то отчаянно размахивая обеими руками, словно сбившийся с такта дирижер, то назидательно поднимая палец, как проповедник в экстазе. Все было напрасно. Буря гремела целых пять минут, и чего при этом только не было помянуто: и покойная мать, и распутная жизнь Жилия, и обязанность соблюдать приличия, и непроходимая глупость Одилии – последнее замечание исходило от Жилия. Тут Одилия разразилась рыданиями. Флоран заключил ее в объятия, погрозив Жилию кулаком и сделав в его сторону смешной боксерский выпад, и тогда Жиль, ошеломленный, побежденный, тоже обнял Одилию и поклялся, что поедет с ней куда угодно. За это его наградили признанием, что он «все-таки славный мальчик». И в восемь часов вечера все трое сели в старенький «ситроен» Флорана, который он вел так своеобразно, что все тридцать километров, отделявших дом супругов от Лиможа, Жилию было уже не до душевных тревог: он всерьез опасался за свою жизнь.

Глава 2

В Лиможе еще сохранилось несколько голубых гостиных, встречающихся все реже и реже, и гостиная четы Руарг была одной из последних экземпляров. Много лет назад обитателями Лиможа владело повальное увлечение голубым бархатом, и некоторые семьи (обычно по причинам финансового характера или во имя верности прошлому) не меняли обстановку. Лишь только Жиль вошел в гостиную Руаргов, на него нахлынули воспоминания детства: сотни вечерних чаев, сотни часов, когда, сидя на мягком пуфе, он поджидал родителей, сотни фантазий в блекло-голубых тонах. Но не успел он оглянуться, как его уже обнимала и прижимала к груди седовласая и розовощекая старушка, хозяйка дома.

– Жиль, миленький мой Жиль!.. Лет двадцать вас не видела... Но вы не думайте, мы с мужем читаем ваши статьи, следим за вашими выступлениями... Конечно, мы не во всем согласны с вами, потому что оба мы всегда были немножко консерваторами, – добавила она, словно признавалась в невинном чудачестве, – но читаем вас с интересом... Вы к нам надолго? Одилия говорила, что у вас как будто малокровие... Очень приятно увидеться с вами... Пойдемте, я вас всем представлю.

Ошарашенный, оглушенный, Жиль покорно предоставил старушке обнимать, ощупывать, перевозносить его. В гостиной было много народу, все разговаривало стоя, кроме трех стариков, восседавших на стульях, и Жилем овладела паника. Он бросал испепеляющие взгляды на сестру, но она, в полном восторге, неслась по гостиной на всех парусах, лишь время от времени останавливаясь перед какими-то незнакомыми людьми и радостно бросаясь им на шею. «Сколько же времени я здесь не был? – думал Жиль. – Боже мой, со смерти отца – значит, уже пятнадцать лет. Но зачем я здесь?» Он двинулся вслед за хозяйкой дома, поцеловал руку десятку дам, обменялся рукопожатием с дюжиной гостей и всякий раз пытался улыбаться, но на самом-то деле едва различал эти незнакомые лица, хотя многие женщины были миловидны и изящно одеты. В конце концов он пристроился возле какого-то сидевшего в кресле старичка, который прежде всего сообщил, что он один из старых друзей его покойного отца, а затем осведомился, что Жиль думает о политическом положении страны, и тут же сам принялся растолковывать это положение. Слегка наклонившись к старичку, Жиль делал вид, будто слушает, но тут мадам Руарг потянула его за рукав.

– Эдмон, – воскликнула она, – перестаньте мучить нашего молодого друга! Жиль, я хочу вас представить мадам Сильвенер. Натали, знакомьтесь: Жиль Лантье.

Жиль обернулся и оказался лицом к лицу с высокой красивой женщиной, улыбавшейся ему. Она была рыжеволосая, со смелым взглядом зеленых глаз, с дерзким и вместе с тем добрым выражением лица. Она улыбнулась, произнесла низким голосом: «Здравствуйте» – и тотчас отошла. Заинтригованный, Жиль проводил ее взглядом. Всем своим обликом она, словно вспышка яркого пламени, до странности не подходила к голубому выцветшему бархату этой старомодной гостиной.

– Это вопрос престижа... – опять забубнил неутомимый старичок. – Ах, вы любуетесь прекрасной мадам Сильвенер? Королева нашего города!.. Ах, будь я в ваших годах!.. Что же касается нашей внешней политики, то такая страна, как Франция...

Ужин тянулся бесконечно. Жиль, сидевший напротив прекрасной мадам Сильвенер, на другом конце стола, время от времени ловил обращенный к нему спокойный, задумчивый взгляд, так не вязавшийся с ее манерой держаться. Она много говорила, вокруг нее было много смеха, и Жиль посматривал на нее с легкой иронией. Должно быть, она действительно чувствовала себя королевой Лимузена и хотела понравиться приезжему парижанину, к тому же журналисту. В прежнее время для него была бы развлечением двухнедельная связь с женой провинциального судейского чиновника, и уж каким красочным рассказом в духе Бальзака он

угостил бы своих приятелей, возвратясь в столицу! Но теперь у него не было ни малейшей охоты к любовным приключениям. Он смотрел на свои руки, лежавшие на скатерти, худые, бессильные руки, и ему хотелось лишь одного – поскорее уйти.

Как только встали из-за стола, он, точно ребенок, уцепился за Одилию, и она заметила, что у него осунулось лицо, дрожат руки, а глаза смотрят на нее с мольбой. Впервые она по-настоящему испугалась за него. Она извинилась перед мадам Руарг, потащила за собой подвыпившего Флорана, и они сбежали не прощаясь, «по-английски», насколько это возможно в провинциальной гостинице. Съездившись в машине, Жиль дрожал от озноба и грыз ногти. Нет, клялся он в душе всеми богами, нет, в другой раз он не поддастся, никуда он больше не поедет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.